

Т. В. Дайнеко

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Песни о «вумной жане»
из зимнего календарно-обрядового цикла
белорусов-переселенцев***

Рассматривается группа песен о «вумной жане» из зимнего календарно-обрядового цикла белорусов-переселенцев. Песни записаны в Сибири и на Дальнем Востоке; большинство из них до сих пор не были опубликованы. Они сравниваются по ряду параметров с образцами метропольной традиции, зафиксированными в Белоруссии, в том числе используется ритмическая типология белорусских календарно-обрядовых песен З. Я. Можейко. По результатам анализа можно утверждать, что песни о «вумной жане» сибирского бытования и в отрыве от коренной традиции обладают всеми типичными чертами белорусских колядок. Сохраняется свойственная им функция в обряде, характерный сюжет, а также основные параметры организации словесного и музыкального текста: лексика и фонетический строй, форма песенной строфы и строение стиховых строк, слогоритмическая организация строк и строфы, ладоинтонационные и фактурные особенности. С целью введения данной группы песен в научный оборот в приложении к статье приводятся их полные тексты.

Ключевые слова: музыкальный фольклор белорусов-переселенцев, зимний календарно-обрядовый фольклор белорусов, колядки, песни о «вумной жане».

Зимняя обрядность белорусов Сибири и Дальнего Востока (как и белорусов, проживающих на метропольной территории) сгруппирована в основном вокруг рождественско-новогоднего праздничного цикла (см. об этом, например: [Ліс, 1998; Фетисова, 2002; Фурсова, 2002; Белорусы..., 2011, с. 150–169]). Он складывается из текстов очень разных по функции, стилю и формам бытования. В центре рождественско-новогоднего цикла находятся обряды колядования и связанный

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00171а «Песенные традиции народов Сибири: теоретические проблемы жанрово-стилевой классификации и типологии».

Дайнеко Татьяна Владимировна – младший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; tan-dai@mail.ru)

с ними музыкальный материал (колядки и щедровки); в последнем главное место занимают «господарские» песни¹. Мы избрали для подробного рассмотрения одну из их разновидностей – песни, обращенные к хозяйке дома, или к «гаспадыні» по-белорусски. В этих текстах восхваляется в первую очередь ее ум, поэтому данную группу песен можно назвать песнями о «вумной жане». Насколько нам известно, до сих пор в научной литературе эта группа песен специально не рассматривалась. Цель настоящей статьи – ввести в научный оборот до сих пор не публиковавшиеся тексты песен о «вумной жане», которые были записаны от белорусов-переселенцев, и выполнить их аналитическое описание с точки зрения функции в обряде и организации словесного и музыкального текста. Мы располагаем разными вариантами песен о «вумной жане» – региональными, принадлежащими к диаспорной традиции (зафиксированы в Сибири и на Дальнем Востоке²) и образцами коренной белорусской традиции. В результате последовательного сравнения коренных белорусских и сибирских песен по указанным параметрам становится возможным определить степень сохранности данной группы колядок в условиях отрыва от метропольной культуры. Подобные задачи (решаемые на разном материале) являются актуальными для сибирской фольклористики, и в частности для этномузыковедения (см., например: [Леонова, 2000]).

Песни, записанные в Сибири и на Дальнем Востоке. Сразу привлекает к себе внимание немногочисленность песен такого рода, особенно среди опубликованных переселенческих текстов. В результате изучения ряда источников – как опубликованных (филологических и музыковедческих), так и архивных, было выявлено семь песен о «вумной жане», записанных от белорусов Сибири и Дальнего Востока. Из них опубликованы только два образца (словесные тексты без нотной расшифровки мелодии): одна песня – в собрании «Календарная поэзия сибиряков», которое стало уже классическим [КОПС, 1981, с. 45–46] (песня записана в Новосибирской области, см. приложение, № 6), другая – в монографии Л. Е. Фетисовой [2002, с. 81] (записана в Приморском крае, см. приложение, № 7). Остальные пять песен о «вумной жане» были обнаружены в белорусских аудиоматериалах, хранящихся в Архиве традиционной музыки НГК им. М. И. Глинки. Они записаны в Новосибирской и Кемеровской областях и в Красноярском крае (полные тексты и паспортные данные приводятся в приложении).

Распространенность на территории Белоруссии. Песни с данным сюжетом достаточно редки и в метрополии. В результате изучения тома «Зімовыя песні» [1975] из академического собрания «Беларуская народная творчасць», подготовленного в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора Академии наук Белоруссии, удалось выявить совсем немного песен интересующей нас группы – всего семь [Там же, № 282–288].

Несмотря на небольшую численность, песни о «вумной жане» были распространены по всей Белоруссии, а также на прилегающих к ней территориях. Об этом свидетельствуют паспорта песен как из белорусского, так и из сибирских источников. В томе «Зімовыя песні» приводятся тексты, записанные в Гомельском, Речицком, Лоевском районах. Сибирские информанты указывали, что их родители брянские, черниговские, могилевские. В отдельных случаях в паспортах сибирских песен указаны только обобщенные сведения о происхождении инфор-

¹ Для белорусов характерно колядование дифференцированного типа – «исполнение специальных колядных песен в адрес каждого члена семьи» [Восточнославянский фольклор, 1993, с. 119]. «Господарскими» называют колядные песни-благопожелания, адресованные всей семье в целом, а также величающие отдельно главу семьи и его жену (см., например: [Ліс, 1998, с. 27]).

² Далее в статье под «сибирскими песнями» подразумеваются песни, записанные на территории от Урала до Тихого океана.

мантов, например: «родители из Белоруссии». Как видим, строгой корреляции между сведениями из Белоруссии и из Сибири не наблюдается, однако суммарно география распространения данной группы песен оказывается довольно широка. В то же время близость исходных районов друг к другу свидетельствует о том, что песни принадлежат к единому фольклорному фонду.

Строение сюжета песни. В качестве примера типичной структуры сюжета этой группы «господарских» колядок приведем один из ярких образцов – песню о «вумной жане», записанную в Красноярском крае³ (в правом столбце обозначены структурные элементы и сюжетные мотивы, в тексте подчеркнуты их ключевые слова):

<i>Была в Бариса вумная жана,</i>	(зачин)
<i>Бог яму дав вумнаю жану, доля яво.</i>	(припев)
<i>Купила й яна да <u>тры горада</u>,</i>	(три города)
<i>Бог яму дав вумнаю жану, доля яво.</i>	
<i>Ой, первый горад всё и с <u>панам</u>,</i>	(три группы жителей городов)
<i>Бог яму дав вумнаю жану, доля яво.</i>	
<i>А другой горад ды с <u>мужиками</u>,</i>	
<i>Бог яму дав вумнаю жану, доля яво.</i>	
<i>А трэтий горад и с <u>салдатами</u>,</i>	
<i>Бог яму дав вумнаю жану, доля яво.</i>	
<i>А и с <u>панам</u> – <u>суды судити</u>,</i>	(три действия)
<i>Бог яму дав вумнаю жану, доля яво.</i>	
<i>А з мужиками – <u>землю дялити</u>,</i>	
<i>Бог яму дав вумнаю жану, доля яво.</i>	
<i>А с салдатами – <u>на вайну итти</u>,</i>	
<i>Бог яму дав вумнаю жану, доля яво.</i>	
<i>На вайну ийти, врага пабедить,</i>	
<i>Бог яму дав вумнаю жану, доля яво.</i>	

В зачине и сибирских, и коренных белорусских песен⁴ всегда дается констатация факта: у пана такого-то умная жена. Обязательно называется имя удачливого пана. В белорусских песнях это Иван или Ёван (3 раза), Сцяпан, Василь, Левон. В сибирских песнях – тоже Иван (2 раза), Коля, Борис, Володя, Василь. Интересно, что жена, которой, собственно, и адресована песня, остается безымянной. Вероятно, это не случайно и соответствует патриархальным традициям: жена хоть и чествовалась, но как второе лицо, оставаясь в тени главы дома. Исключением является лишь одна белорусская песня [Зімовыя песні, 1975, № 285], где в припеве названо имя жены: «Бог яму даў вумную жану Арынку». Поскольку припев повторяется после каждой строки, образ «жаны Арынки» укрепляется в качестве центрального.

Дальнейшее развитие сюжета песни полностью соответствует колядным традициям: адресат песни непременно должен быть показан богатым и важным человеком, обладающим особыми качествами. И действительно, в этих текстах жена представлена не только умной, но и настолько богатой и всемогущей, что может

³ АТМ НГК (копии материалов КГПУ). Оп. 11. № 14. Записали А. Коноплева, Н. Сторожено и Б. Рябцев в 1990 г. в д. Ивановка Бирилюсского района Красноярского края от М. А. Власовой, 1930 г. р. и Т. С. Воротынской, 1928 г. р., родители из Белоруссии (см. также приложение, № 1).

⁴ Здесь и далее в статье под «коренными» песнями подразумеваются образцы, записанные на территории метрополии – Белоруссии.

купить целые города со всеми их жителями. Во всех коренных песнях и практически во всех сибирских образцах (в шести из семи) присутствует мотив трех городов. В одной из белорусских коренных песен он выглядит следующим образом:

*Закупіла яна яму тры гарады:
Першы горад – з панамі,
Другі горад – з купцамі,
Трэці горад – з мужыкамі*
[Зімовыя песні, 1975, № 283].

В качестве примера сибирского варианта можно вновь обратиться к тексту из Красноярского края (см. выше). Как видим, социальная принадлежность жителей городов, которая обязательно называется, и виды их занятий могут варьироваться. В белорусской песне это паны, купцы и мужики, а в сибирской – паны, мужики и солдаты. Вместе с тем и в той, и в другой песне сохраняется троекратность мотива (три города, три социальных слоя, три действия, которые можно совершить), чрезвычайно характерная именно для колядного цикла (см., например: [Семёнова, Семёнов, 2003, № 3, 4; КОПС, 1981, № 10–12 и др.]).

Однако есть песни, выделяющиеся из общего ряда. Так, в одной из коренных песен приводятся конкретные названия каждого из трех городов – Киев, Чернигов, Лоев, а затем даны развернутые характеристики самих городов. Каждый город славится какой-либо особенностью, которая позволяет ему стать местом для определенных действий людей. Приведем фрагмент текста:

*Ой, першы горад – славен наш Кіеў.
Ой, другі горад – славен Чарнігаў.
А трэці горад – славен наш Лоеў.
Як Кіеў славен – ўсё царквамі.
Чарнігаў славен – ўсё казакамі.
А Лоеў славен – ўсё таргаўцамі.
Што ў Кіеў хадзіць – богу маліцца.
А ў Чарнігаў – ваяваціся.
Ой, а ў Лоеў – таргаваціся.*
[Зімовыя песні, 1975, № 288].

В этом тексте сохраняется типичная колядковая троекратность. Мотив же трех социальных слоев варьируется – под «царквами», безусловно, подразумевается духовное сословие, но напрямую оно не названо. Кроме того, в описании возможных действий акцент делается именно на городах: воевать – не с казаками (как было в других подобных песнях), а в Чернигове, торговать – не с торговцами, а в Лоеве, молиться – в Киеве.

В песнях, записанных на территории Сибири и Дальнего Востока (в диаспорной традиции), число сюжетных вариантов оказывается даже больше, чем в образцах из метрополии. В двух из семи сибирских песен развитие сюжета отличается от большинства текстов этой группы.

Так, в песне, записанной в Кемеровской области (приложение, № 3), восхваляется плодовитость умной жены, которая родила пану трёх сыновей (т. е. свойственная данному сюжету троекратность сохраняется):

*Раділа й ана да трёх сыновей.
Первы сыночык – то пахарёчык,
Другий сыночык – то писарочык...*

Здесь можно усмотреть расширение и уточнение социальных групп, фигурирующих в других песнях с данным сюжетом, – речь идет не просто об абстрактном мужике, а о пахаре (крестьянин) и писаре (мелкий служащий). Кем стал третий сыночек, к сожалению, осталось неизвестным, так как в этом месте исполнительница сбилась и завершила пение традиционным поздравлением: «С святым вечерам, с новым годам! Будьте здоровы, хазяева!».

Еще большими отличиями обладает песня, опубликованная в сборнике «Календарно-обрядовые песни сибиряков» [1981, с. 45–46] (записана в Новосибирской области). В первой строке жена пана Василя также называется «вумной», но в дальнейшем тексте говорится о том, что главное ее достоинство – это все же ее красота, которая буквально освещает мир вокруг (приводим только основные строки⁵):

*Пана Василя вумная жена.
По двору ходя, гуляя.
В сенечки войдя яснаю зарёю.
По двору ходя – ясно месячко.
В сенечки взойдя ясною свечою,
Добрый вечер, хазяюшка!*

Троекратность мотива присутствует и в этом тексте: женская красота сравнивается с тремя источниками света: дневным, ночным и «домашним» – зарёй, месяцем и свечой. (Отметим, что в колядках, адресованных всей семье в целом, довольно часто встречается сравнение домочадцев со светилами: мужа и жены – с солнцем и месяцем, детей – с частыми звёздочками; см., например: [КОПС, 1981, № 12].)

Таким образом, тексты сибирских песен о «вумной жене» при сохранении сюжетного ядра демонстрируют большее разнообразие вариантов сюжетного развития. Неизменной остается троекратность, которая присутствует во всех текстах данной группы. Можно предположить, что сюжет о трех сыновьях, а также о жене-красавице изначально имел в Белоруссии узколокальное распространение и поэтому не нашел отражения в академическом издании зимних песен. Тем не менее он сохранился в памяти носителей фольклора даже во время их миграции. Разобраться в этой проблеме можно, имея более обширный аналитический материал.

Лексика и фонетический строй. Как уже было отмечено, большинство сибирских вариантов песни о «вумной жене» представлены в аудиоархивах. Прослушивание записей песен позволило оценить каждый образец по лексическому параметру и, кроме того, составить точное представление о фонетических особенностях текстов. Выяснилось, что практически в каждой песне сибирского бытования содержатся типичные белорусские лексические единицы, например: *яму, иттить, ходя, гуляя, дав (даў), жана, нэсуть* и пр.

При изучении аудиозаписей становятся явными такие свойственные белорусской речи особенности, как аканье, дзеканье, твердое произнесение звука «ч», фрикативный «г» и т. п.

Как видим, приведенные данные (строение сюжета, лексика и фонетический строй) могут служить дополнительной информацией, подтверждающей белорусское происхождение живущих в Сибири и на Дальнем Востоке информантов и, следовательно, записанных от них песен о «вумной жене». Можно также кон-

⁵ После каждой основной строки следуют две припевные: «Дай яму, дай яму, боже, / Счастья и доли яго дому» [КОПС, 1981, с. 45–46].

статировать, что эти песни имеют достаточно высокую степень сохранности в условиях отрыва от исконной языковой среды (о важной роли этнической идентификации см., например: [Дайнеко, 2013]).

Форма песенной строфы и строение стиховых строк. Все без исключения песни имеют строфическую форму. Каждая двустрочная строфа делится на основную (смысловую) строку и припев. В первых строках каждой строфы развивается сюжет песни, припев же остается неизменным от начала до конца (А + припев, В + припев и т. д.). Такое строение является характерной чертой песен белорусского (и не только) колядного цикла.

В белорусских и сибирских песнях смысловая строка, как правило, состоит из двух пятисложников:

В па-на Бо-ри-са / вум-на-я жа-на (5 + 5).

Припев представлен двумя типами – он бывает двузвенный и трехзвенный. Двузвенный припев складывается из четырех- и пятисложника:

Бог я-му дав / вум-на-ю жа-ну (4 + 5).

В трехзвенном типе к припевной строке добавляется окончание из нескольких слогов, чаще из четырех: *в я-го до-му* или *до-ля я-го*. Например:

Бог е-му дав / вум-на-ю же-ну / в йо-го да-му (4 + 5 + 4).

Конкретное воплощение данной стиховой структуры в каждой песне может довольно сильно варьировать. Отметим, что наиболее сложны в этом отношении именно коренные белорусские песни. Правда, здесь приходится судить по словесным текстам, так как в белорусском томе приведен лишь один нотный образец [Зімовыя песні, 1975, № 288], в нем содержатся строки, имеющие строение не только 5 + 5, но и 4 + 5 и 4 + 6. В сибирских же вариантах нормативная основа легко читается, так как остается практически неизменной. Следовательно, ее можно считать стиховой константой данной группы песен.

Слогоритмическая организация строк и строфы. Нормативная для песен о «вумной жане» стиховая структура реализуется в определенном формульном ритме. Две одинаковые ритмоформулы, состоящие из четырех восьмых с замыкающей четвертью, соответствуют основной строке ($a + a$):

♪	♪	♪	♪	♪		♪	♪	♪	♪	♪	
Бы_ла	в	Ба_ри_са		ву_мна_я	жа_на						
a						a					

В ритмическом строении припева также выделяются две ритмоформулы: в начале и в конце используется характерная только для припева ритмоформула b с удлинённой первой и последней долями, в середине – повторяется ритмоформула a , что соответствует и повтору слов из основной строки ($b + a + b$):

♪	♪	♪	♪		♪	♪	♪	♪	♪		♪	♪	♪	
Бог	я_му	дав		ву_мна_ю	жа_ну,		до_ля	я_во						
b								a	b					

Как показал анализ музыкальной организации всех песен данной группы, структура как основной строки, так и припева отличается вариантной подвижностью. Ритмическая организация очень точно следует за текстом. При увеличении количества слогов происходит дробление ритмических единиц в строгом соответствии с силлабическим принципом сохранения устойчивой цезуры (мультипликативный тип изменения; примером может служить последняя строфа песни из Искитимского района Новосибирской области, см. приложение, № 4).

В целом ритмическая организация группы песен о «вумной жане» достаточно ясная, так как мелодии песен малораспевны. Если же распевы присутствуют, они не скрывают ритмических особенностей произнесения стиха, поскольку обычно встречаются в конце ритмоформул (приложение, № 1–4). Завершающие четверти подчеркивают цезуры между ритмическими построениями (цезурированный тип композиции, по Б. Б. Ефименковой). Распевы же сглаживают эти цезуры, восстанавливая ровное и непрерывное движение восьмыми длительностями. В сочетании с умеренно скорым темпом это способствует динамичному развитию всей песни от начала до конца. В соответствии с тезисом З. Я. Можейко, подобные «структурно-ритмические признаки являются определяющими для всех напевов, в основе которых лежит моторное начало» [1985, с. 86].

Подчеркнем, что ритмоформулы песен о «вумной жане» типичны для коренного белорусского фольклора. В ритмической типологии календарно-обрядовых песен З. Я. Можейко [1985] они относятся ко второй разновидности колядок первого типа – *I-B коляд*. Всего на территории Белоруссии З. Я. Можейко установлено семь основных типов колядных напевов, обладающих рядом стабильных признаков. Исследователь называет их колядными, подчеркивая жанрообразующую роль ритма в календарно-обрядовом фольклоре (также выделяются жнивные, купальские и другие типы).

Для рассматриваемой группы сибирских песен характерны все специфические и наиболее устойчивые черты белорусских колядковых напевов первого типа. Прежде всего, как уже отмечалось, это структурно-ритмические признаки: точно очерченный, специально выделенный рефрен, повторяющийся после каждой смысловой строки стиха, 10-слоговая структура основной строки с цезурой посередине (5 + 5), соответственно ей в напеве – «колядковая» ритмоформула с затягиванием последнего слога пятисложников: ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ . Для разновидности колядок первого типа *I-B коляд* характерен двузвенный рефрен, равный по протяженности основной строке, с которым он составляет двустипию. В чистом виде такой рефрен фиксируется в песне из Болотнинского района Новосибирской области (приложение, № 5). В этом образце совершенно отсутствуют распевы, поэтому ритмическая структура предстает наиболее выпукло. Ритмоформулы типа *I-B коляд* в различных вариантах обнаруживаются во всех без исключения песнях о «вумной жане», записанных в Сибири и на Дальнем Востоке. Кроме того, изучение сибирских календарных песен показало, что указанные ритмоформулы встречаются и в других группах колядок [Семёнова, Семёнов, 2003; Звягина, Леонова, 2007].

Мелодика напевов этих песен отличается декламационностью, что свойственно строго приуроченным белорусским песням. Для данной группы колядок характерны узкий или средний звуковой диапазон при терцовых, тетраордовых и пентаордовых ладовых структурах отдельных построений напевов колядок. В качестве опорных тонов чаще всего выступают первая, четвертая и третья ступени; в некоторых случаях отмечается равнозначность различных опорных тонов, которая может приводить к смене основного опорного тона. Основной же особенностью является типичная для колядок периодичность ритмической структуры с четко очерченным выдержанным ритмическим рисунком – ритмоформулой. Именно структурно-ритмические признаки играют жанрообразующую роль для

зимних обходных песен [Можейко, 1985, с. 86], к которым относятся и песни о «вумной жане».

По результатам аналитического исследования песен о «вумной жане», записанных в Сибири и на Дальнем Востоке, можно утверждать, что они обладают всеми типичными чертами белорусских колядок. В практике сибирского бытования сохраняются свойственная им функция в обряде, характерный сюжет, а также основные параметры организации словесного и музыкального текста: лексика и фонетический строй, форма песенной строфы и строение стиховых строк, слогоритмическая организация строк и строфы, ладоинтонационные и фактурные особенности.

В заключение отметим, что анализ различных групп песен, записанных от белорусов-переселенцев в сравнении с аналогичными группами, относящимися к метропольной традиции, можно считать одним из наиболее интересных и перспективных путей изучения календарно-обрядового фольклора белорусов Сибири и Дальнего Востока.

Приложение

№ 1

Была й у Коли вумная жана,
Бог яму дал умнаю жану, доля яво.

Купила яму да тры города,
Бог яму дал умнаю жану, доля яво.

Ой, первый горад ды с салдатами,
Бог яму дал умнаю жану, доля яво.

А втарый горад да и с панами,
Бог яму дав умнаю жану, доля яво.

А трэтий горад да и з мужиками,
Бог яму дав умнаю жану, доля яво.

Што и с панами зямлю дялити,
Бог яму дав умнаю жану, доля яво.

А с салдатами на вайну итить,
Бог яму дав умнаю жану, доля яво.

На вайну ити, врага пабедить,
Бог яму дав умнаю жану, доля яво.

*Пели, когда колядовали. Эта пад Новый год. В вакно пели. «А ти петь вам? –
Пейте каляду!» А каторые говорят: «Та некаму, нет...»*

АТМ НГК (копии материалов КГПУ). Оп. 11. № 4.

Записали Н. А. Новоселова, А. Колесников, О. Пантина в 1989 г. в д. Ивановка Бирлюсского района Красноярского края от Е. М. Рябушкиной, 1923 г. р., родители черниговские, Н. С. Цугленок, 1929 г. р., родители могилевские, М. А. Власовой, 1930 г. р., родители «расейские», М. П. Ступуль, 1921 г. р., родители могилевские.

№ 2

Была в Бариса вумная жана,
Бог яму дав вумнаю жану, доля яво.

Купила й яна да тры горада,
Бог яму дав вумнаю жану, доля яво.

Ой, первый горад всё и с панами,
Бог яму дав вумнаю жану, доля яво.

А другой горад ды с мужиками,
Бог яму дав вумнаю жану, доля яво.

А трэтий горад и с салдатами,
Бог яму дав вумнаю жану, доля яво.

А и с панами – суды судити,
Бог яму дав вумнаю жану, доля яво.

А з мужиками – землю дялити,
Бог яму дав вумнаю жану, доля яво.

А с салдатами – на вайну итти,
Бог яму дав вумнаю жану, доля яво.

На вайну идти, врага пабедить,
Бог яму дав вумнаю жану, доля яво.

АТМ НГК (копии материалов КГПУ). Оп. 11. № 14.

Записали А. Коноплева, Н. Стороженко и Б. Рябцев в 1990 г. в д. Ивановка Бирюльского района Красноярского края от М. А. Власовой, 1930 г. р. и Т. С. Воротынской, 1928 г. р., родители – из Белоруссии.

№ 3

Шо у пана у Валоди,
Бог яму даў умнаю жану у яго даму.

Радила й ана да трёх сыновей,
Бог яму даў умнаю жану у яго даму.

Первы сыночык – то пахарёчык,
Бог яму даў умнаю жану у яго даму.

Другий сыночык – то писарочык,
Бог яму даў умнаю жану у(ю) яго даму...

*С святым вечерам,
С новым годам!
Будьте здарови, хазяева!*

АТМ НГК (копии материалов В. Ф. Похабова). Оп. 16. № 11.

Записал В. Ф. Похабов в 1998 г. в с. Васьково Промышленновского района Кемеровской области от Е. С. Гуменёк, 1915 г. р.

№ 4

Шо в пана Йвана вумная жена,
Бог ему дав вумнаю жену в його даму.

Закупыла внага да тры горада,
Бог ему дав вумнаю жену в його даму.

Шо пэрвый горад да сы панычим,
Бог ему дав вумнаю жену в його даму.

А другий горад да всё мужики,
Бог ему дав вумнаю жену в його даму.

Панычи йыдутъ, па червонцу нэсутъ,
Бог ему дав вумнаю жену в його даму... *(конец стороны пленки)*.

АТМ НГК (копии материалов НГПУ, хранящиеся в ГАНО). Оп. 20. № 28.

Записала Т. С. Громова в 1979 г. в с. Преображенка Искитимского района Новосибирской области от А. И. Марченко, 1914 г. р., М. М. Бобырь, 1913 г. р., А. С. Копич, 1910 г. р., А. С. Елькиной, 1913 г. р. (все – черниговские).

№ 5

В пана Ивана вумная жена,
Бог яму дав вумнаю жану.

Купила й ана да тры гарада,
Бог яму дав вумнаю жану.

В первам гораде да всё пановья,
Бог яму дав вумнаю жану.

Вдругом гораде да всё маскали,
Бог яму дав вумнаюжану.

В трэтям гораде да всё мужики,
Бог яму дав вумнаю жану.

«Вот тут забыла я...» «Это колядная песня?» «Да». «Вечером под новый год поют?» «Вечером под Новый год пають».

АТМ НГК (копии материалов НГПУ, хранящиеся в ГАНО). Оп. 20. № 50.

Записала А. И. Храмцова в 1982 г. в д. Малиновка Болотнинского района Новосибирской области от М. И. Кириченко, 1911 г. р., брянской (в Сибири с 1933 г.).

№ 6

В Василя пана умная жана,
Бог яму дал умнаю жану, что в яго дому.
Закупила [о]на ще три города,
Бог яму дал умнаю жану, что в яго дому.

В первом городе да все мужики,
Бог яму дал умнаю жану, что в яго дому.

В другом городе да все казаки,
Бог яму дал умнаю жану, что в яго дому.

В третим городу, да все панова,
Бог яму дал умнаю жану, что в яго дому
[Фетисова, 2002, с. 81].

Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1. Отчет Е. С. Обшариной за 1970 г. Л. 117.
Записана в с. Беневское Лазовского района Приморского края.

№ 7

Пана Василя вумная жена.
Дай яму, дай яму, боже,
Счастья и доли яго дому.
По двору ходя, гуляя.
Дай яму, дай яму, боже,
Счастья и доли яго дому.
В сенечки войдя яснаю зарею.
Дай яму, дай яму, боже,
Счастья и доли яго дому.
По двору ходя – ясно месячко.
Дай яму, дай яму, боже,
Счастья и доли яго дому.
В сенечки взойдя ясною свечою.
Дай яму, дай яму, боже,
Счастья и доли яго дому.
Добрый вечер, хозяйюшка!
[КОПС, с. 45, № 29].

Записали Л. И. Болотская, В. И. Дементьев, С. К. Суховеева в 1972 г. в д. Новоалександровка Татарского района Новосибирской области от А. А. Атрощенко, 1905 г. р. и А. Г. Зенченко, 1914 г. р., родители обеих из Черниговской губернии.

Список литературы

- Белорусы в Сибири: сохранение и трансформация этнической культуры / Под ред. Е. Ф. Фурсовой. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011.
- Восточнославянский фольклор: Слов. науч. и народн. терминологии / Под ред. К. П. Кабашникова и др. Минск: Навука і тэхніка, 1993.
- Дайнеко Т. В. Зимние календарные песни белорусов Сибири и Дальнего Востока: проблемы изучения // Вестн. музыкальной науки. 2013. № 2. С. 55–60.
- Звягина С. А., Леонова Н. В. Музыкальная типология белорусских календарных и сезонно-приуроченных песен сибирского бытования // Мельниковские чтения: Материалы II Регион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2007. С. 263–267.
- КОПС – Календарно-обрядовая поэзия сибиряков / Сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников. Новосибирск: Наука, 1981.
- Леонова Н. В. Проблемы изучения фольклора белорусов Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 3. С. 84–87.

Можейко З. Я. Календарно-песенная культура Белоруссии: опыт системно-типологического исследования. Минск: Наука и техника, 1985.

Семёнова И. В., Семёнов О. В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003.

Фетисова Л. Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002.

Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – XX в.). Новосибирск: Агро, 2002. Ч. 1: Обычаи и обряды зимне-весеннего периода.

Зімовыя песні / Под рэд. М. Я. Грынблат. Мінск: Навука і тэхніка, 1975.

Ліс А. С. Каляндарна-абрадавая творчасць беларусаў: Сістэма жанраў. Эстэтычны аспект. Мінск: Беларуская навука, 1998.

Список сокращений

АТМ	–	Архив традиционной музыки
ДВО РАН	–	Дальневосточное отделение Российской академии наук
ИАЭТ	–	Институт археологии и этнографии СО РАН
КГПУ	–	Красноярский государственный педагогический университет
НГК	–	Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки

T. V. Dayneko

The Songs about «a Clever Wife» from the Winter Calendar-Ritual Cycle of Byelorussian Settlers

The paper deals with a group of songs about «a clever wife» from the winter calendar-ritual cycle of Byelorussian settlers. The songs were written down in Siberia and in the Far East; most of them had not been published yet. They are compared in a number of parameters to the examples of mother country's tradition recorded in Byelarus. Use is also made of the rhythmic typology of the Byelorussian calendar-ritual songs by Z. Ya. Mozheyko. On the ground of the results of the analysis it is possible to affirm that although the songs about «a clever wife» appeared in Siberia and existed in isolation from the mother country's tradition they possess all the typical characteristics of the Byelorussian carols. They retain their inherent function in the ritual and their typical plot as well as the main parameters of the organization of verbal and musical text such as the lexical and phonetic system, the form of the song verses and the structure of the line of a poem, mode, intonation, and textural features. For the purpose of introducing this group of songs for scientific use their full texts are presented in the Appendix to the paper.

Keywords: folk music of Byelorussian settlers, the winter calendar-ritual cycle of Byelorussians, carols, the songs about «a clever wife».